

Нам
лучше всего
перед
рассветом

Брошенная семья
ПУТЬ К СЧАСТЬЮ

КЭТИ СВИТ

Кэти Свит

Брошенная семья.

Путь к счастью

<https://litres.ru/74214797>

Аннотация

♥ПЕЧАТНАЯ КНИГА НА РУГРАМШОП, ОЗОН, ВБ♥ -Вот твои вещи, - муж выставляет чемодан на лестничную клетку. - Убирайся! У меня теперь другая! Ты мне не нужна! -Что? - я не понимаю. - Куда я пойду? Я же только что родила! У тебя есть дочь! Ты забыл? Или заотмечался так сильно? - все еще надеюсь, что это какая-то странная шутка. -Ты родила бракованного ребенка, - он заявляет категорично. - Такой мне не нужен! Убирайся вон! -Дорогой, - из-за плеча моего мужа выглядывает... моя лучшая подруга в тонком полупрозрачном халатике. - Что ты с ней церемонишься? Закрой дверь, пойдем!

История Макса Майорова История Сани Хмельницкого

Содержание

Глава 1. Эля	4
Глава 2. Эля	7
Глава 3. Эля	10
Глава 4. Эля	16
Глава 5. Миша	20
Глава 6. Миша	26
Глава 7. Эля	32
Глава 8. Эля	39
Глава 9. Эля	44
Глава 10. Эля	49
Глава 11. Эля	55
Глава 12. Миша	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Глава 1. Эля

— Дорогой, поздравляю! Ты стал папой! — устало произношу. Я только что родила и еще слишком слаба, руки с трудом удерживают телефон.

— У меня родился сын? — спрашивает муж.

— Не совсем, — отвечаю, переводя дыхание. Мы до последнего не знали пол малыша. — Дочка!

В моей груди столько счастья, что кажется, я способна весь мир им озарить! Я стала мамочкой! У меня есть самая прекрасная на всем свете малышка!

— Девочка? — произносит брезгливо. — Ты должна была родить мне сына! Мне дочь не нужна!

— Но... — начинаю говорить, только мне не позволяют продолжить. Муж взрывается гневной тирадой, врачи мягко просят отключить телефон.

Завершаю вызов, глядя в обеспокоенные глаза неонатологов.

— Что-то случилось? — Тревога разрастается в груди.

Поворачиваю голову в сторону, нахожу взглядом свое сокровище. Выдыхаю. Моя малышка мирно лежит под лампой и спит.

— Вашей дочке нужна срочная операция. — Мир вокруг разбивается на части. Врач продолжает что-то говорить, объясняет, но я толком ничего не слышу. Словно мне в уши во-

ткнули беруши, и происходящее воспринимается словно белый шум. — Мы подготовили документы на перевод, — протягивает мне планшет с прикрепленным листом и ручку. — Пожалуйста, подпишите.

Я не понимаю, что происходит. В голове каша.

Покорно беру ручку, ставлю подпись, мне делают укол, и я проваливаюсь в сон.

Прихожу в себя уже в палате.

— Как вы? Все в порядке? — Надо мной склоняется молоденькая медсестра.

— Где я? Где моя дочь? — испуганно озираюсь по сторонам в поисках моей малышки, но ее нигде нет.

— Сейчас подойдет доктор и все вам объяснит, — успокаивает меня девушка. — Вы в палате, не переживайте. Я скоро подойду, — направляется к выходу. — Позову врача.

Медсестра уходит, оставляя меня одну. В палате, помимо меня, никого нет.

Тоскливо...

Сердце не на месте, мне очень тревожно. Где моя дочка? Я не думала, что после родов нас разлучат.

Белые стены палаты не успокаивают, а начинают только раздражать. Я едва перебарываю в себе острое желание подняться и выйти в коридор.

Но меня предупредили, что нельзя вставать. Нужно лежать на животе до тех пор, пока не придет врач.

Закрываю глаза, жду медиков.

Как же медленно тянется время...

Глава 2. Эля

Меня осматривают, спрашивают о самочувствии, разрешают садиться. Мне даже можно немного попить и поесть.

Тело болит, слабость такая, что ноги до сих пор трясутся. Не понимаю, как после подобного женщины решаются на второго и на третьего? А ведь есть такие, у которых вообще семь детей!

Гинеколог уходит, после него приходят педиатр и неонатолог. Они с сочувствием смотрят на меня, присаживаются на стул, что стоит рядом с кроватью, и принимаются мне объяснять.

Только вот их термины для меня мало что значат. Я знаю одно – моя дочь не со мной.

Пока медики рядом, я держусь. Перед тем как они скроются за дверью, прошу подать мне телефон и набираю номер единственного, кто в состоянии понять мои переживания и мое горе. Мужа.

Он ведь сегодня стал отцом.

— Савва, — шепчу. Не хочу плакать, но слезы сами льются из глаз.

Нашу дочку увезли, я ее даже толком не видела...

Я очень многое хочу сказать мужу, но знаю его ранимую душу и поэтому держу себя в руках. Все, что касается здоровья, он принимает очень близко к сердцу.

Нашей малышке требуется срочная операция и обследование. Врачи подозревают у нее редкий, но опасный для жизни порок развития. Он успешно лечится и в последующем не беспокоит, но лечение нужно начинать немедленно.

Мне объяснили, что иногда так происходит и я не виновата в том, что это случилось. Медицина не стоит на месте, а после одной операции моя малышка будет жить нормальной, полноценной жизнью.

Наш порок поправим, и не будет никаких негативных последствий. Но нужно меры принимать прямо сейчас.

Наговорили мне очень много. Объяснили, успокоили.

Заверили, что моя дочка уже в самолете и ее вот-вот уже привезут к самым лучшим врачам. Попросили успокоиться и спокойно восстанавливаться после родов.

Обещали выписать меня как можно быстрее. Сразу после выписки я смогу полететь и увидеть дочь.

Нам с ней в некотором роде повезло. Один из сильнейших медицинских центров договорился с нашим роддомом в случае появления деток с подобным пороком немедленно отправлять их туда.

— Нашу дочку увезли в областной центр. — Мне приходится задержать дыхание. Рыдания рвутся наружу, их не остановить.

— Не нашу дочку, а твою! — взрывается муж. — Мне дочь не нужна! Ты мне сына обещала!

— Савелий! Ты вообще слышишь меня?! — тут уже взры-

ваюсь я.

Разве можно быть таким истуканом?! Говорю ему, что проблемы с ребенком, а он на меня ругается, что я ему дочь родила!

— У нашей дочери... — начинаю. Но муж перебивает меня.

— Не у нашей! — отрезает жестко. — У твоей! Мне дочь не нужна!

— В смысле? — произношу на выдохе. Я в шоке.

— В прямом! — заявляет. — Либо ты отказываешься от ребенка, и тогда так уж и быть я приму тебя, рожавшую, обратно. Попробуем еще раз с тобой заделать мне пацана.

— Либо? — спрашиваю, не веря своим ушам. Мир в очередной раз решил ударить меня под дых, ком в горле не позволяет дышать.

— Либо ты убираешься из моей жизни и занимаешься сама своим ребенком! — отрезает. — Повторяю еще раз. Для особо тупых. Мне нужен сын! Дочь мне не нужна!

Глава 3. Эля

— Дочка, привет! — В телефонной трубке раздается голос матери. — Савелий звонил, сказал, что ты его подвела.

И она туда же...

— Это я его подвела? — От несправедливости опять слезы наворачиваются на глаза. Разве так можно? Обвинять невесть в чем.

Я и так чувствую себя просто ужасно, так еще моя семья, видимо, окончательно решила меня добить. С такими родственниками врагов не надо! Любого уничтожат, даже повода не обязательно давать.

— Мама, я родила! — произношу с надрывом.

— Больного ребенка! — перебивает и продолжает брезгливо: — Это все из-за того, что ты в городе всю беременность жила! Я ж тебе говорила, переезжай в деревню! Вон какой дом Савелий отгрохал! Жила б там себе да жила и в ус не дула! А теперь пиши отказную от ребенка и никому больше не смей говорить, что девочка жива!

— Мама! — ахаю. Сажусь на кровать.

Тут же вскрикиваю от боли и ложусь на бок. Мне еще две недели нельзя будет сидеть. Во время родов сильно «порвалась».

— Я тебе сказала, что сделать! — продолжает гнуть свою линию мать. — Отказывайся от ребенка, возвращайся к Са-

велию. Будешь покорной женой, получится родить пацана.

— Но у нас уже есть дочь, — шепчу. Жгучие соленые слезы безостановочным потоком льются из глаз.

— Доченька моя, — говорит таким тоном, словно все на свете уже повидала, — послушай меня, я прожила гораздо больше твоего. Не трать свое время на больного ребенка. Ты умная, красивая девушка. Здоровая! И твои дети такими же должны быть! От нормального мужчины. Ты меня поняла?

Слушаю маму и понимаю, что вокруг меня сплошные моральные уроды. Эгоисты до мозга костей.

Разве можно быть настолько жестокими? Думают только о себе?

Когда там малышка моя... Она ни в чем не виновата... Ей страшно и плохо без меня.

— Я тебя поняла, — отвечаю на автомате. — Предельно ясно.

— Вот и умница, — продолжает уже совершенно иным тоном. Более нежным и сочувствующим. Если она вообще способна на проявление подобных эмоций. — Восстанавливайся и возвращайся к мужу. Мириться. У него доброе сердце, глядишь, и примет тебя назад.

— В смысле «примет назад»? — хмурюсь. Я едва сдерживаюсь, чтобы не высказать все, что думаю по этому поводу. — Сава — мой муж! У нас с ним родился ребенок! Мама, что за бред ты несешь?!

— Это не бред! — отрезает жестко. — Савелий — пре-

красный мужчина, не то что тот твой хирург, — выплевывает с презрением.

От упоминания Миши сердце пронзает острая боль. Майоров был моей первой и самой большой любовью, я ночами грезил о нем. Только вот он меня предал. И поэтому мы разошлись.

Тогда-то и попался на моем жизненном пути Савелий. Точнее, он сын маминой подруги, и они как бы случайно несколько раз нас сводили вместе.

Сава казался интересным и необычным мужчиной, начал проявлять ко мне знаки внимания, а я в попытках забыть Мишу им поддавалась.

— Прекрати, — прошу мать. — И без тебя тошно.

— Тошно ей! — фыркает. — Нашлась мне тут принцесса! Раньше в поле рожали и шли дальше косить! А ты лежишь в отдельной палате под присмотром лучших врачей и еще смеешь говорить, что тебе тошно!

— Да плевать мне на палату и на врачей ваших! — взрываюсь. Выносить и выслушивать дальше подобную чушь не собираюсь.

Я хотела поехать рожать в обычный роддом. Он находится неподалеку от нашего дома, там меня всю беременность наблюдали, делали скрининги и брали анализы. Там мой врач.

Но мама и Сава настояли на другом месте. Отвезли меня в новый медицинский центр и убедили рожать там. Я согласилась.

И вот сейчас лежу одна в шикарнoй палате и не знаю, куда себя деть. Мне плохо.

Где-то там далеко лежит моя доченька. Моя кровинушка. Мое сердечко.

Она одна! Сердце разрывается при мысли об этом. Руки сводит от острого желания прикоснуться к своей малышке, убаюкать ее, покачать, прижать к груди и поцеловать.

Понюхать сладкую макушку, посчитать пальчики, поцеловать каждый ноготок!

А они...

Что Сава, что мама... Еще и меня обвиняют... Каждый в своем.

— Я уже всем сказала, что ты мертвого мальчика родила. Обвинила врачей в халатности и недосмотре. Набрали молодняк всякий, деньги с людей сдирают в три шкуры, а ничего делать не хотят. — Мама говорит без остановки. — Тебе остается только подтвердить правдивость моих слов и все!

Чем больше слушаю ее, тем противнее становится. Хочется завершить вызов и больше никогда его не принимать.

— Мама... — Догадка мелькает в голове. Если я окажусь права, то...

Меня накрывает ужас. Разве можно так поступить? Ведь это ужасно!

— Помнишь, ты беременная ходила, когда я во второй класс пошла? — От волнения меня начинает трясти. — Ты потом сказала, что мой брат умер во время родов. — Голос

дрожит. — Скажи, там что-то во время родов случилось? Или, — делаю глубокий вдох, — ты родила больного ребенка и отказалась от него, а всем остальным сказала, что твой ребенок умер?

— Эля! Не неси чушь! — начинает говорить на повышенных тонах. — Тебе сейчас думать о себе нужно, а не о каком-то ребенке!

Убираю телефон от уха, не глядя завершаю вызов и бросаю его под подушку. Видеть его не хочу! Слышать никого не желаю!

Бред... Какой же вокруг меня царит бред...

Поднимаюсь, со спинки кровати забираю полотенце и ухожу в душ. Мне нужно помыться! Я хочу смыть с себя всю эту грязь.

Подходя к душевой, слышу, как под подушкой вибрирует сотовый. Наверное, мама звонит высказать свое возмущение. Как так! Она мать, а я посмела не дослушав кинуть трубку.

Ох... Чувствую, тирада та еще мне предстоит.

Да и плевать! Все на свете выдержу! Лишь бы к дочери скорее поехать! Отказываться от нее я не собираюсь ни под каким давлением. Анечка — моя самая любимая и прекрасная дочь!

Вылечимся, встанем на ноги и заживем! Все у нас будет прекрасно! Но пока... Пока мне бы смыть с себя всю ту грязь, что вместо поддержки вылили на меня самые близкие

люди. Видеть никого из них не хочу.

— Элеонора Борисовна! — В дверь раздается стук. По голосу понимаю, что в палату вошла медсестра.

— Я в душе! — кричу. Надеюсь, услышит.

— Вам доставка, — говорит, подходя к двери в помывочную.

— Доставка? Мне? — удивляюсь. — Я ничего не заказывала.

— Написано ваше имя и палата, — отвечает уверенно. — Других рожениц с таким именем у нас нет.

— Спасибо, — произношу с толикой сомнения. Принимаюсь быстрее вытираться и выхожу в коридор.

В палате уже никого. На кровати стоит пакет. Он не прозрачный, и что там находится, я не имею ни малейшего понятия. Рядом с пакетом лежит шикарный букет из бело-розовых пионов. Мои самые любимые цветы.

Глава 4. Эля

«Моя любимая доченька! Поздравляю тебя с рождением малышки! Здоровья и счастья вам!

Папа».

Читаю записку и даже не смахиваю слезы. Они капают из глаз, попадают на бумагу, написанные от руки буквы расплываются.

Папа...

В голове словно щелкает что-то. Сердце начинает стучать быстро, я хватаю записку и выскакиваю в коридор. Смотрю по сторонам, но медсестры на месте нет. На посту пусто.

Возвращаюсь в палату, достаю из-под подушки телефон и дрожащими от волнения пальцами принимаюсь снимать блокировку.

Промахиваюсь мимо точек, графический ключ даже с пятой попытки ввести не получается.

А-а-а! Блин! Ну что же делать?!

Словно почувствовав мое отчаяние и мысли, телефон оживает и начинает звонить.

— Папа! Привет! — тут же принимаю вызов. В ушах от волнения шумит.

— Здравствуй, доченька. — В динамике раздается голос отца. — Как ты?

— Не очень, — признаюсь. Скрывать правду не собира-

юсь. Мне плохо, у меня горе. И все вокруг только и делают, что наезжают.

— Тяжелые роды? — спрашивает с сочувствием.

— И это тоже, — тяжело вздыхаю. — У меня дочка не совсем здоровая родилась, — признаюсь.

Скрывать и прятать Анечку не собираюсь. Она мое сокровище, и мы будем жить с ней вместе!

— Насколько все плохо? — тут же оживляется папа. — Ты ей нужна! Ты только не вздумай ее бросать! — говорит в сердцах.

Слушаю его, а меня душат слезы. Я не могу ничего сказать.

— Элечка, не слушай свою мать, подруг и мужа, — продолжает папа. — Они не друзья тебе, раз заставляют бросить дочь! Ты нужна своей малышке. Очень сильно! Даже не вздумай соглашаться на требование матери! Я знаю, она уже по тебе прошлась.

— Пап, — шепчу. Громче говорить не выходит. — Ты далеко? Сможешь ко мне приехать?

У меня роды по контракту. Я лежу в отдельной палате. Мне разрешены посещения.

Почему бы не воспользоваться всем, за что заплатил мой муж?

— Буду у тебя через двадцать минут, — отзывается папа. — Жди!

— Угу, — киваю. Сама говорить не могу, кусаю губы.

Рыдания душат, и мне не справиться с ними. Они оказываются сильнее.

Встаю напротив окна, дышу медленно и глубоко, пытаюсь себя успокоить. Молоко вот-вот должно прийти, нельзя волноваться, иначе пропадет.

Моей девочке нужна сильная и уверенная в себе мама. Я стану такой! Ради нее! Вновь думаю о своей малышке, своей кровинушке. Как там она? Что с ней?

Врачи обещали дать номер телефона и сказать, когда можно позвонить в клинику, куда Анечку увезли.

Скорее бы...

Сил ждать практически не осталось.

— К вам посетитель. — В палату заглядывает медсестра и выдергивает меня из печальных мыслей. — Вы ждете кого-то?

— Да, — спохватываюсь. — Ко мне должен приехать отец.

— Сейчас провожу, — соглашается. — Сильно с ним не засиживайтесь, — предупреждает. — Скоро будет вечерний обход.

— Не беспокойтесь! — спешу успокоить медсестру. — Он уйдет, как только потребуется.

— Хорошо, — кивает. — Готовьтесь. Я его сейчас к вам приведу.

Не проходит и трех минут, как дверь в палату опять открывается, и я вижу на пороге человека, с которым мы не встречались уже несколько лет. Мама категорически против

моего общения с отцом. Если она узнает, что мы нашли друг друга и общаемся, то с потрохами сожрет.

— Здравствуй, дочка. — Папа раскрывает свои широкие объятия. Не глядя ступаю вперед, прижимаюсь к крепкой мужской груди и закрываю глаза. Слезы бегут. — Ш-ш-ш. — Папа гладит меня по голове, успокаивая. — Все будет в порядке. Ты не одна! Мы со всем справимся.

Глава 5. Миша

— Саныч, проснись! — раздается в динамике голос дежурного реаниматолога. — Возвращайся в отделение!

— Ты издеваешься? — сажусь на кровать, с трудом продирая глаза. Смотрю на стоящий на прикроватной тумбочке будильник. — Десять утра! Я только с дежурства вернулся.

Сегодня была очень тяжелая ночь. Собственно, как всегда, когда я на дежурстве. Словно вселенная знает, что самые сложные случаи нужно везти именно ко мне.

Три экстренных операции, пять новорожденных в реанимации. За каждым нужно проследить, проверить показатели, назначить анализы.

Просто трындец!

Еле до дома дополз. Зашел в квартиру, покормил кота, и в чем был, так и завалился на кровать. Тут же отключился.

— К нам везут новорожденного, — продолжает Петрович. Он знает, что я все равно слушаю. — Атрезия ануса и прямой кишки без свища, атрезия пищевода, подозрение на пузырно-мочеточниковый рефлюкс, — сыплет диагнозами. — С момента рождения прошло тридцать часов.

— Сколько?! — не верю своим ушам. Глаза раскрываются сами, остатки сна моментально улетучиваются.

— Тридцать, — повторяет. Петрович так же, как и я, прекрасно понимает, что у малыша осталось на жизнь восемна-

дцать часов.

Твою мать! Неонатологии совсем охренели?! Как такое произошло?

— Его с северного полюса, что ли, везли? — спрашиваю едко. Раздражение и злость зарождаются в груди.

Куда смотрят врачи? Блин! Ну почему до сих пор подобные диагнозы не научились распознавать во время беременности?!

Хоть волосы на голове рви!

У этого малыша практически не осталось времени. Потом его будет уже не спасти. Интоксикация, перитонит, да все что угодно!

Откладывать ни на секунду нельзя!

— Практически, — хмыкает. — Из Заполярья.

— Охренеть, — единственное, что вырывается у меня.

Вот же «повезло» так «повезло» кому-то... Хотя... С учетом погодных условий малыша вообще могли не успеть к нам доставить.

— Ты приедешь или мне Рузанову вызывать? — Петрович не отступает, сразу бьет по больному. Знает, что я никому из отделения не позволю своего пациента забрать.

Это мой профиль. Мои дети! И только я буду их оперировать!

— Ага! Чтобы потом я опять за ней все исправлял? — ухмыляюсь со злостью. — Спасибо, не нужно. Я еду. Оперировать буду сам!

Рузанова своими неумелыми действиями уже покалечила несколько малышей. Не знаю, как до сих пор ее не уволили по статье, но своих пациентов ей на стол ни в коем случае не дам.

Ей не в детскую хирургию нужно, а на рынок мясом торговать! Там толку больше будет.

Ни желания учиться и развиваться, ни скрупулезности, ни повышенной внимательности. Ничего этого нет! Только гор и психи. Что совершенно противопоказано хирургу.

— Скоро буду, — устало потираю переносицу. Голова трещит. Мне бы поспать.

Покой нам только снится! Усмехаюсь. Никакой личной жизни, как сказал бы мой брат.

В моем случае подобная работа — самое настоящее спасение. Личная жизнь мне не нужна.

Была уже... Чуть всего потом не лишился.

Спасибо, что сам остался цел!

— Ты с какой бригадой работать будешь? — Петрович выдергивает меня из невеселых мыслей. Трясу головой, выкидывая прошлое. — Дежурной или своей? — уточняет.

Он в курсе, что детки с атрезией не так просты, как могут показаться на первый взгляд. Прежде чем брать их на стол, нужно сделать массу обследований. Проверить прочие пороки развития, пройтись по списку. Дел неуворот!

— Без обид, но ты знаешь мои принципы, — говорю своему другу. Петрович — отличный специалист, он довольно

давно работает в центре и всякого на своем веку повидал. — Я работаю исключительно со своими.

— Ну тогда сам этот вопрос решай, — тут же отзывается. — Я к Альбертовне не пойду.

— Не переживай, все решим! — обещаю. А сам тем временем думаю, как бы по дороге в больницу не отключиться. — Через сколько ребенок будет в отделении? — уточняю. Мне нужно по минутам все рассчитать.

— Думаю, у тебя времени чуть меньше часа, — задумчиво произносит друг.

Смотрю на часы, засекаю время. Успеть бы все подготовить до приезда малыша.

— Петрович, сможешь забить для меня рентген, УЗИ, ЭКГ? — перечисляю необходимые обследования.

— Да, не переживай! — спешит меня успокоить. — Все сделаю в лучшем виде. Не впервой!

— О да, — ухмыляюсь.

Кто-кто, а Санек за свою жизнь успел пройти огонь, воду и медные трубы. Каких деток он только не видел, каких только не вытаскивал с того света... Спасал даже тех, на ком другие уже крест поставили.

Именно на этом мы с ним изначально сошлись. Ни Саня, ни я руки не опускаем. До последнего боремся за маленьких пациентов!

— Анестезиологом на операцию пойдешь? — спрашиваю. Мне комфортно, когда он со мной в одной бригаде.

Хоть в нашем конкретном случае риски для жизни ребенка минимальны, но лучше все заранее предусмотреть.

— Спрашивает еще! — ухмыляется. — Конечно! Давненько я таких детей не встречал.

— У меня только на прошлой неделе был подобный, — вспоминаю. Сейчас этот малыш спит, восстанавливается. У него все хорошо.

— Так, давай к делу. — Петрович возвращает разговор в рабочее русло. — Ты вызываешь своих, операционных медсестер оставляем? Сегодня Ирочка и Лизонька дежурят.

— Отлично! — выдыхаю. — Оставляй!

— Ну тогда я погнал выбивать для маленького пациента время и аппараты, а ты давай скорее приезжай! — говорит, идя по коридору. По эху и хлопкам дверей я даже примерно представляю, где именно он идет.

— Обследования без меня не начинать! — предупреждаю. — Понял?

— Я-то понял, — усмехается. — Это ты другим будешь объяснять.

— Еду я! Е-ду! — повторяю.

— Слышу, — ржет. — Ты ж еще дома. Голову от подушки не можешь поднять!

— Да пошел ты! — беззлобно отвечаю. — Буду через тридцать минут.

— Засаекаю! — усмехается. И ведь он засечет время. Я в этом уверен!

— Жди! — парирую.

— Время пошло!

Глава 6. Миша

— Справились, — снимаю с себя халат и выхожу из операционной. Петрович остается на месте, он до самого окончания операции будет контролировать ее ход.

Мне уже можно спокойно спускаться в отделение и приступать к заполнению протокола. Писанины так много, что просто жуть!

Во время операции было непросто...

Благо, успели вовремя и спасли малыша!

— С мальчиком теперь все будет в порядке, — немного выдыхаю. На моем счету еще одна спасенная детская жизнь. — Сейчас дошьют, и можно перевозить в реанимацию, — говорю ожидающей медсестре. Она кивает, я дальше иду.

Времени нет. У меня еще амбулаторный прием в клинике, до него нужно закончить с документами и хоть немного передохнуть.

К сожалению, далеко не всегда детки с такими непростыми диагнозами изначально попадают в руки к грамотным специалистам. Зачастую ими занимаются хирурги, после вмешательства которых приходится реально деток спасать.

Амбулаторный прием позволяет мне принимать пациентов отовсюду. Им ни в коем случае нельзя пренебрегать.

— У вас золотые руки, Михаил Александрович! — гово-

рит женщина в возрасте. Она работает в администрации клиники, я год назад спас ее внука.

— Да бросьте, — отмахиваюсь. — Просто это мое любимое дело, вот и все.

Не дожидаясь последующей похвалы, ускоряю шаг, захожу в лифтовой холл и ныряю в кабину. За моей спиной смыкаются металлические двери, и лифт приходит в движение.

Не люблю выслушивать пустые слова. Как правило, после подобных я потом долго болею.

Я просто неплохой врач. Не лучший и не худший. Просто тот, кто специализируется в одном профиле, и только.

Мне повезло пройти обучение у лучших из лучших врачей в области хирургии. Страшно представить, сколько денег пришлось заплатить моему брату, чтобы организовать подобную стажировку.

Но Макс это сделал. Он отправил меня за границу, обеспечил проживание и обучение. Благодаря ему я достиг всего, что имею сейчас.

У учителей работа спасать от безграмотности, у повара — от голода, а у меня... просто спасать. Хвали, не хвали, а я всего лишь делаю свою работу.

Я этим горю.

— Миха, ты опять в своем репертуаре! В свой выходной опять на посту, — ухмыляется мой старый знакомый. Мы учились на одном курсе, а теперь работаем в одном центре.

Мир тесен! А мир хороших специалистов и грамотных

врачей так вообще!

— Вот дома тебе не сидится! — продолжает, качая головой.

— Ну кто ж еще, коль не я, — ухмыляюсь в ответ. — Или тебе без моих пациентов работы мало?

— Ой, не, — выставляет руки вперед. — Уж лучше давай будут твои! — произносит с улыбкой. — С ними проблем практически никогда нет.

— Сплюнь! — качаю головой. — А то наговоришь!

— Могу. Умею. Практикую, — смеется. — Справимся! Не бойсь!

— Да мне-то что? — пожимаю плечами. — Я свое дело сделал, все что мог поправил. Малыш крепкий. Теперь все будет зависеть уже от него самого.

— Пищевода хватило? — переходит от пустых слов к делу. Он сегодня ответственный в реанимации, будет за маленьким путешественником наблюдать.

— Нет, — поджимаю губы. — Немного не дотянул.

Очень обидно, когда так выходит. Мальчишке не хватило совсем немного, можно было бы попробовать и обойтись без гастростомы, но рисковать и натягивать пищевод я не стал.

Малыш еще будет расти, пищевод тоже. Родителям придется приспособиться под некоторые особенности в плане ухода, но я сделал все в интересах самого малыша.

— Понял тебя, — кивает. — Значит, две стомы.

— Это временно, сам знаешь, — говорю, думая, как свя-

заться с родными мальчика. — Маму обучим, придет время — стомы закроем. Попец сделаем, — озвучиваю свой благоприятный прогноз.

Все поправимо. Все лечится! Для это только требуется время и родительская любовь.

— Надеюсь, они останутся у нас, — озвучиваю вслух свои тревоги. Такому ребеночку вряд ли так грамотно помогут где-то еще.

— Мих, нужно быть полным дураком, чтобы сбежать от такого врача, как ты! — произносит со знанием дела.

— Сам знаешь, такие родители есть, — говорю в ответ. — Далеко не каждый решится так далеко летать, наблюдаться в тысячах километров от дома. Сам понимаешь, это не так просто, как может показаться на первый взгляд.

— Здесь я согласен, — задумывается над моими словами. — Но ты уж постарайся родителям мальчика все объяснить. Самое сложное. Рассказать родителям и объяснить им, что ничего критичного не произошло, что все поправимо. Но нужно будет всем нам для этого немного потерпеть.

— Саныч! Ты опять в отделении? — раздается за спиной, как только я на своем этаже выхожу из лифта. — Не надоело? — Ко мне подходит дежурный хирург. Ему немного за тридцать, он невысокого роста. И очень дотошный человек.

— Как видишь, не надоело, — аккуратно отхожу от темы. — Жить без своего отделения не могу! — перевожу в шутку, иду чуть быстрее.

У меня на счету каждая секунда. Мне бы заполнить документы и немного поспать... Голова толком не соображает.

Операцию провел, малыша спас, теперь можно с чистой совестью упасть где-нибудь в ординаторской на диване и поспать хотя бы часа два. Лишь бы никто не побеспокоил.

Захожу в отделение, прохожу по коридору. Прислушиваюсь. В палатах тишина.

Проскочить бы незамеченным до ординаторской! Если сейчас кто из мам пациентов заметит, то к вечеру до документов не доберусь.

— Михаил Александрович! А я вас ищу. — Ко мне обращается постовая медсестра как раз в тот момент, когда прохожу мимо. — К нам пациента везут, — протягивает папку. — Вот, держите.

Принимаю документы из ее рук. Открываю, читаю. Глаза спотыкаются на фамилии... Смирнова...

Город тот же.

Нет! Таких совпадений не бывает! Этого просто не может быть!

— Девочка Смирнова? — обращаюсь к медсестре. — А где документы на мать? — пролистываю папку до конца, показываю, что отсутствуют несколько листов.

— Ой, там дело такое, — переходит на шепот медсестра. — Там с матерью вроде как все в порядке, но в роддоме утверждают, что она откажется от ребенка и поэтому не дали никаких документов на нее.

— Откажется? — Каждый раз я думаю с содроганием о таких детках. — Но тут ведь пустяк! Атрезия пищевода и ануса, со свищом! Грамотно проделанная операция при рождении — и малышка будет нормально жить!

— Михаил Александрович, — печально вздыхает медсестра. — Я вам передала то, что мне сказали.

— Достань мне номер матери ребенка, — говорю, словно не слыша. — Кстати, — спрашиваю как бы ненароком: — Как ее зовут?

Глава 7. Эля

— Скажите, как мне связаться с лечащим врачом моего ребенка? — спрашиваю у педиатра. Я уже оббегала половину больницы, никто никаких сведений мне не дает.

— Вашего ребенка? — удивляется врач. Осматривает меня с головы до ног, хмурится. — У нас здесь нет новорожденных, — показывает за свою спину.

Я называю фамилию, объясняю ситуацию. По мере моего рассказа врач начинает все понимать.

— Мне сказали, что вы отказываетесь от ребенка, — говорит совершенно спокойно, а меня в холод бросает от этих слов. — Передумали? — слегка удивляется.

— Нет! — вспыхиваю. Затем понимаю, что я как бы ответила на последний вопрос, и спешу себя поправить. А то ведь подумают невесть что! — Я не отказывалась от ребенка! Это моя дочь! Дайте мне номер ее лечащего врача! Прошу вас!

— Но мне сказали... — упрямится педиатр.

— Мне плевать, кто, что и где сказал! — Еще немного и я начну кричать. Держать себя в руках становится труднее с каждой секундой. — Отказа от моей дочки нет и не будет! — Я горю.

Кто такое придумал вообще? Чтобы отказаться от собственного ребенка.

Я мать! Анечка — моя дочь! Вылечу, поставлю на ноги,

и все будет прекрасно!

— Готовьте все документы, я выпишусь и поеду к ней в больницу! — Я полна решимости. Буду бороться за свое сокровище до конца. — Отказа от ребенка не будет! Так вам понятнее?!

— Видимо, я что-то не так поняла, — под моим напором идет на попятную. — Вы в палате подождите, я вам все принесу. Одну минутку, — хочет скрыться за дверями отделения.

— Сразу давайте! — стою на своем. Уходить и ждать в палате я не намерена.

Уверена, стоит только отойти, как про меня тут же забудут.

Конечно, новому прогрессивному центру не нужны ни больные рожденные дети, ни их родители. Им нужно, чтобы все было гладко и красиво. Как на картинке, что в холле висит.

Но у меня так не получилось. Что ж с этим поделать? Не люди мы, что ли?

Анечка не виновата, что такой родилась. Она маленькая девочка, которая особенно остро нуждается в своей маме.

И эти твари хотят мою малышку у меня отобрать?!

Ни за что! Я не позволю!

— Торопиться мне некуда, я здесь подожду! — говорю, скрешивая на груди руки. Гордо вздергиваю подбородок, не моргая смотрю вперед.

Педиатр что-то недовольно бурчит под нос и уходит в отделение. К сожалению, мне туда нельзя. Иначе бы шла по пятам и капала на мозг до тех пор, пока бы она не дала номер, по которому могу связаться с врачами.

Потому что я не намерена отступать! Мой муж и мама могут сколь угодно долго мне угрожать и требовать отказа от ребенка, они его не получают.

Анечка — моя дочь!

Вдруг на весь коридор раздается мелодия. Спыхватываюсь, скорее достаю из кармана халата телефон.

На экране незнакомый номер.

— Слушаю, — поднимаю трубку и тут же начинаю жалеть об этом. Мысли сейчас совсем о другом.

Нужно смотреть за врачом, чтобы она не ушла из отделения ненароком, а не по телефону непонятно с кем разговаривать.

Но уже поздно. Трубку я подняла.

— Элеонора Смирнова? — В динамике раздается приятный мужской голос. Он кажется мне смутно знакомым, но из-за шума на заднем фоне разобрать, кто это может быть, довольно тяжело.

Отхожу в сторону. Встаю так, чтобы не торчать посреди коридора. Но из поля видимости ни на секунду не упускаю заветную дверь.

— Она самая, — говорю тихо. Слышимость в коридоре просто колоссальная. Уверена, даже в самой дальней палате

прекрасно слышно, что я сейчас говорю.

Обычно я подобные звонки не раздумывая сбрасываю, но здесь почему-то решила ответить.

— Вас беспокоит лечащий врач вашей дочери, — представляется мужчина.

При этих словах сердце подскакивает к горлу, перехватывая дыхание, и тут же стремглав падает вниз. Встает на место и начинает гулко биться в груди.

— Лечащий врач? — переспрашиваю. Ушам не верю... Слезы счастья наворачиваются на глаза.

У меня есть связь с моей малышкой! Есть тоненькая ниточка! Есть надежда!

Я теперь не одна!

— Как она? — забыв обо всем, возвращаюсь в палату. Иду так быстро, словно не рожала меньше суток назад. — Как моя дочка? Вы уже сделали операцию? Как она ее перенесла? — засыпаю хирурга вопросами. Голова кругом от переизбытка эмоций.

Тут же забываю про педиатра и ее глупые слова об отказе. Все мои мысли сейчас лишь об одном. У меня есть возможность узнать все о моей доченьке. И я должна воспользоваться предоставленным шансом на все сто!

— Мне сказали, что вы собираетесь отказаться от ребенка, — начинает врач.

— Нет! — ахаю. Я в шоке! Почему и он думает так? — Что вы?! Это моя девочка! Я ни за что от нее не откажусь!

— Вот и славно. — Из голоса врача исчезает напряжение.
— Тогда выпишывайтесь и приезжайте, — говорит заветные слова. — Она ждет вас.

— Ждет? — Слезы льются из глаз непрерывным потоком. — Как моя Анечка? Где она сейчас?

— Ваша дочка в реанимации под круглосуточным наблюдением врачей. С ней все в порядке, не переживайте. Она спит. — Слова хирурга звучат обнадеживающе. У меня словно гранитная глыба падает с плеч.

— Может быть, ей что-нибудь нужно? — Я не знаю, что еще спросить, но завершить вызов не в силах. Кажется, что сейчас я рядом. Будто моя малышка слышит меня.

— У нее все есть, — мягко отвечает врач.

— Пожалуйста, расскажите мне про нее еще хоть что-то, — прошу. Мне жизненно важно узнать про Анютку.

— Ваша дочка в надежных руках, не переживайте, — продолжает успокаивать врач. — Она не остается одна, за ней наблюдают.

— Операция прошла успешно? Без осложнений? — Сердце останавливается, пока я жду ответа.

— Все хорошо. — Выдыхаю. У моей девочки все хорошо... Счастье-то какое!

— А... Скажите, с вами по этому номеру можно будет связаться? — задаю очередной животрепещущий вопрос.

— Конечно, — тут же отзывается.

— А то мне до сих пор не дают ни одного контакта, —

признаюсь. — Я вам уже давно позвонить хочу, только не знаю куда.

— Это мой сотовый. — Ой... — Можете звонить в любое время. Только не забывайте, что я тоже человек и иногда сплю.

— Спасибо вам огромное! — говорю с жаром. Вот почему нельзя всю благодарность, что испытываю, облачить в слова?

— Постарайтесь до приезда к нам оформить на ребенка все документы. — Врач возвращает меня на землю. — Они нам потребуются для оформления.

— Хорошо, — киваю, словно болванчик.

— Готовьтесь к длительной госпитализации, — предупреждает. — Вы в отделении проведете не один день.

— Я вас поняла. — Сейчас я согласна на все! Совершенно! Лишь бы с дочкой все было в порядке, на остальное плевать!

— У вас еще остались ко мне какие-либо вопросы? — уточняет.

Вопросов нет... Но я не могу этого сказать.

Кажется, что если завершу вызов, то связь с малышкой прервется.

— Если вопросов сейчас нет, то мне нужно идти, — признается. — Пациенты ждут.

— Да-да, конечно! — тут же спохватываюсь. — Спасибо, что позвонили!

— Если будут вопросы, то звоните или пишите, — повто-

ряет. — Не стесняйтесь.

— Хорошо.

Глава 8. Эля

Завершаю разговор, но так и остаюсь стоять у окна к прижатым к груди телефоном. Впервые за время после родов улыбаюсь.

После разговора с врачом Анечки мне становится действительно хорошо. Я понимаю, что моя доченька сейчас не одна, она под постоянным контролем врачей, и от этого значительно легче.

Сегодня ночью я, наверное, смогу спокойно поспать.

Раз за разом воспроизвожу в памяти то короткое мгновение, когда мы были вместе. До сих пор помню, как она закричала, когда родилась.

Думаю, мало кто потом вспомнит звук первого крика своего ребенка. Уверена, что я его не смогу забыть. Никогда!

Эти воспоминания придают сил и помогают не растерять решимость. Осталось совсем немного, и я смогу прижать к груди свою девочку. Обнять ее! Поцеловать. Вдохнуть сладкий запах макушки маленького родного человечка.

Нужно немного потерпеть. Все обязательно будет у нас хорошо!

Сотовый снова пиликает, с незнакомого номера приходит сообщение. Снимаю блокировку с экрана, и слезы радости появляются на глазах.

Одно за другим ко мне начинают сыпаться фото моей ма-

лышки. Смотрю и не могу наглядеться, как она спит.

Маленькая моя... Скоро мамочка будет рядом! Ты только немного подожди!

Снова перелистываю фото. И снова. Рассматриваю дочку, запоминаю каждую деталь. А затем закрываю глаза и пытаюсь представить, что нахожусь с ней рядом.

Мое сердце все это время ни на секунду не покидает Анечку. Я с малышкой всей душой. Она не одна!

День летит за днем, я отсчитываю минуты до каждого разговора с лечащим врачом моей девочки. Каждый раз, когда, попрощавшись, кладу трубку, вспоминаю, что так и не узнала имени мужчины, с кем говорю.

Маме больше не звоню, Савелию тоже. Они будут настаивать на том, чего я сделать не смогу ни при каких обстоятельствах, а ругаться и спорить сейчас я не в состоянии. Ну их всех в баню! Мне нужно к Анечке как можно быстрее попасть!

Процедуры, осмотры, расцеживание груди. Я должна сделать все, чтобы сохранить молоко.

Удивительно, но даже с учетом переживаний оно пришло! Я была уверена, что придется кормить дочку смесью.

О долгожданном дне выписки никому кроме папы не сообщала. Правда, мой отец уже по долгу службы находился далеко. Он как может поддерживает меня по телефону.

Выхожу из клиники не с парадного входа, а через тот, куда заходила. У меня нет сил смотреть на счастливые лица людей

при выписке.

Я хочу к своей малышке. Скорее бы!

Но сначала нужно добраться до дома. Немного передохнуть и снова броситься в бой.

Ожидающее перед роддомом такси довозит меня до нужного адреса без пробок и даже маломальских заторов. Выхожу из машины, расплачиваюсь с водителем, забираю свои вещи.

Благо, сумок не много, всего лишь одна, с которой я уехала из дома на роды. Послеродовые сумки мне Савелий так и не привез.

Захожу в подъезд, нажимаю на кнопку лифта. Поднимаюсь на нужный этаж.

Вставляю ключ в дверной замок, но он не поворачивается. Странно... Прислушиваюсь. В квартире играет музыка, раздаются голоса.

Неужели Савелий узнал, что меня сегодня выписывают, и решил устроить сюрприз? Он осознал, какую чудовищную ошибку едва не совершил, заставляя меня отказаться от дочки?

Надежда робко бьется в сердце. Так хочется верить, что семья поддерживает меня.

Папа и бабушка Анечке тоже очень нужны. Она будет очень им рада, я в этом уверена!

Ставлю на пол сумку, с бешено колотящимся в груди сердцем нажимаю на дверной звонок.

Я уже предвкушаю, как откроется дверь и на пороге меня встретит муж с огромным букетом цветов, как извинится за свои слова, как скажет, что любит меня и малышку. Понимаю, что прощу его за все, что пережила.

Ведь мы семья. Впереди у нас будет очень трудный период. Ставить на ноги ребенка непросто, а если он еще не совсем здоров, так подавно.

Но раз мы вместе, то все сможем преодолеть! Справимся! Я в этом не сомневаюсь!

Дверь открывается, но вместо букета любимых белых и розовых пионов меня встречает рассерженный муж.

— Эля? — удивляется Савелий. — Какого хрена ты здесь делаешь? — не скупится на выражения. — Тебя должны выписать только через несколько дней!

— Представляешь, а выписали сегодня, — отвечаю с сарказмом. — Может быть, ты меняпустишь в квартиру? Я очень устала и хочу в душ.

А еще мне срочно нужно ссeditься, попить горячего чая и хоть чуточку отдохнуть. Но об этом решаю пока промолчать, не стоит своими проблемами грузить мужчину.

— Вот твои вещи. — Муж выставляет чемодан на лестничную клетку. — Убирайся! У меня теперь другая! Ты мне не нужна!

— Что? — Я не понимаю. Моргаю слишком часто, хмурюсь. У Савелия жар? Что за бред он несет? — Куда я пойду? Я же только что родила! — вспыхиваю. — У тебя есть дочь!

Ты забыл? Или заотмечался так сильно? — все еще надеюсь, что это какая-то странная шутка.

— Ты родила бракованного ребенка. — Он заявляет категорично, не пряча нотки презрения в голосе. Они режут по сердцу больше тупого ножа. — Такой мне не нужен! Убейся вон! — выкидывает руку вперед, показывая прочь. Я едва успеваю увернуться от столкновения.

— Дорогой. — Из-за плеча моего мужа выглядывает... моя лучшая подруга в тонком полупрозрачном халатике. — Что ты с ней церемонишься? Закрой дверь, пойдем!

Глава 9. Эля

Вылетаю из подъезда, перед глазами пелена. Куда идти? Что делать? В голове каша.

Мой мир рухнул в одночасье. Уже который раз подряд за эти несколько дней я не чувствую почву под ногами.

Гадко. Страшно. Впереди полнейшая неизвестность, и... я шагну в нее.

Савелий, как ты мог так низко пасть? Ведь знаешь, что Вера чуть ли не с каждым встречным... Фу! Аж думать об этом противно.

Подруга детства, блин! Выросли в одном дворе, всю жизнь бок о бок, и такое...

Но, наверное, я рада, что правда вскрылась сейчас. Когда я особенно уязвима.

Моя семья, мама и муж, отошли на второй план. На первом находится дочка и ее здоровье.

Тащу за собой чемодан, волоку сумку, глотаю слезы. Вокруг сплошные предатели!

Падаю на скамейку, принимаю полулежачее положение. Мне сидеть еще долго нельзя, швы должны зажить. Я не собираюсь еще раз лечь в больницу. Некогда будет! Здоровье дочки важнее всего на свете!

Напрягаться тоже нельзя, но тут уже ничего не поделать. Остаться совсем без вещей та еще перспектива... увы.

Пытаюсь взять себя в руки, но выходит не очень. От обреченности и безнадежности опускаются руки.

Позволяю себе лишь на минутку расслабиться и упасть в уныние. Затем собираю силу воли в кулак, сжимаю зубы и начинаю собирать себя по крупицам.

Доченька моя... я со всеми трудностями справлюсь! Ты меня жди, я скоро приеду к тебе!

На счету осталось не так много денег, их хватит на перелет и на первое время... А что делать дальше, понятия не имею.

Одно знаю точно: назад не вернусь!

В кармане куртки пиликает телефон. Игнорировать сообщение не в моих силах, вдруг новости от врача.

Достаю сотовый, смотрю на экран и теряю дар речи. Там другое. Совсем.

Смотрю на перевод довольно внушительной суммы на свой счет и обалдеваю. Следом телефон начинает звонить.

— Алла, привет, — здороваюсь со своей коллегой. Она заняла мою должность после того, как я вышла в декрет.

— Поздравляем с рождением дочки! — В динамике раздается громкий крик коллег. — Ура! Ура! Ура-а-а! — говорят что есть мочи.

Улыбаюсь сквозь слезы. Благодарность льется через край.

— Ребята, — произношу, с трудом сдерживая эмоции. Не хочу, чтобы они знали, как мне сейчас плохо. — Спасибо вам огромное! — говорю от чистого сердца.

— Мы долго думали и решили, что лучший подарок —

это деньги. — Алла выключает громкую связь и подносит к уху телефон. — Ты сама лучше поймешь, что нужно ребенку. Как назвали?

— Анечка, — улыбаюсь.

— Прекрасное имя! — поддерживает меня. — Тоже хочу так свою дочку назвать.

Мы еще некоторое время говорим о мелочах, я постепенно возвращаюсь к жизни.

Как мало нужно, чтобы вытащить человека из обреченности и темноты. Оказывается, всего лишь сущий пустяк. Своевременная поддержка.

После разговора с Аллой и коллегами мне становится гораздо лучше.

Поднимаюсь со скамейки, беру ручку чемодана и только хочу пойти в сторону остановки, как из подъезда выходит моя соседка с третьего этажа.

— Элечка, здравствуй! Как ты? Все в порядке? — интересуется с милой улыбкой.

— Все хорошо, — отвечаю на автомате.

— Смотрю, родила, — кивает на мой почти плоский живот. Удивительно быстро мой организм приходит в норму.

— Родила, — киваю. Вдаваться в подробности не спешу.

— А ты чего с чемоданом? — удивляется. — Давай, помогу, — предлагает, придерживая дверь в подъезд.

— Спасибо, но не нужно, — мягко отказываюсь. — Я больше здесь не живу.

— Что-то случилось? — с искренним сочувствием спрашивает.

— Мы с Савелием решили развестись, — выдавливаю из себя. Кусая щеку изнутри, чтобы не заплакать.

— Ой, — тут же меняется в лице. — Тебе есть куда пойти? Не знаю, что именно повлияло на мое решение, но уже через десять минут мы вместе со Златой сидим у нее на кухне и пьем чай.

Точнее, она сидит на стуле и крутит в руках кружку, а я полулежу на небольшом кухонном диване.

— Куда, говоришь, малышку забрали? — спрашивает после моего короткого рассказа. Я называю центр, а Злата кивает со знанием дела. — Анечке очень повезло! Ты даже не представляешь насколько!

— Почему? — удивляюсь.

— Твоя дочь попала в руки гениального хирурга! Мастера своего дела, — заверяет.

— Откуда ты знаешь? — хмурюсь.

— Так мы ж сами лежали у него! — произносит с теплой улыбкой. А я едва успеваю поймать челюсть, которая так и норовит упасть на пол.

— В смысле «у него»? — подаюсь вперед. — У тебя же все дети здоровы!

— Если бы, — печально улыбается. — Мишенька у нас без попки родился.

Я в шоке. Миша? Это же самый жизнерадостный и улыб-

чивый малыш, которого я только знаю! Болтун-лопотун!

Он ведь совершенно здоров!

— Без попки? — пытаюсь представить, но мне не удастся.

— Это как? Извини, если мой вопрос кажется странным.

— Да нет, — отмахивается. — Все нормально, — улыбается. Смотрит на меня... с сочувствием. — Попа есть, а дырочки нет, вот это как, — поясняет.

— И что с этим делать? — Сердце начинает чаще биться. Пытаюсь представить и не могу.

— Тебе об этом волноваться не стоит, — спешит заверить. — В вашем случае все будет гораздо проще. Вам сделают неоанус и сошьют пищевод.

— Совсем проще. — Из меня вырывается нервный смешок.

— Ну, — многозначительно смотрит, — если Анечке хватило пищевода и Майоров смог его ушить, то вы обойдетесь без гастростомы. А это уже хорошо.

Я не понимаю и половину из слов, что говорит Злата. Диагностики эти... Сплошной темный лес!

— Майоров? — Сердце начинает биться чаще.

— Ага, — кивает. — Мы его пациенты. Михаил Александрович — лучший хирург! Мы ж Мишеньку даже называли в его честь!

Глава 10. Эля

Встреча со Златой стала настоящим спасением. Она рассказала, что ждет меня и Анечку впереди, немного подготовила к трудностям, с которыми придется столкнуться, подсказала, как быстрее всего справиться с частью из них.

А еще предложила остаться у нее на несколько дней, то есть до отъезда. Убедила, что мне нужно восстановить силы и отоспаться, для этого не подойдут ни гостиница, ни съемное жилье.

Мне сначала было дико неудобно перед соседкой, но она смогла подобрать нужные слова и меня убедить.

Мы проговорили с ней до самого вечера. Она делилась со мной своими переживаниями, рассказывала, через какие трудности им с Мишенькой пришлось пройти, как за малыша переживала вся семья и родные.

— Ты, главное, не отчаивайся, — говорит с жаром. — Поняла?

— Угу, — киваю.

— Ночь темнее всего перед рассветом.

Слова Златы врезаются в память. Я знаю, что она права.

Нас с Анечкой ждет длинный путь. И я к нему готова!

— Мамочка, я хочу кушать. — На кухню заглядывает Маша, старшая дочка Златы. Ей семь лет.

— Потерпи немного, — просит соседка. — Скоро будем.

— Я тоже хочу, — рядом с сестрой вырастает четырехлетний Артемка.

— Можно банан? — Девочка косится на желтые фрукты.

— Мишенька, кушать хочешь? — Злата обращается к самому младшему члену семьи. Он кивает. — Ладно, — сдается. — Возьмите по банану.

Детвора берет с фруктовницы свой выпрошенный у матери перекус и убегает из кухни. У них в самом разгаре игра. Прятки.

— У тебя с дочкой все будет хорошо. — Теплой улыбкой и льющимся прямо из сердца светом Злата окончательно разбивает мои страхи на мелкие осколки. — Вот увидишь!

— Спасибо, — искренне благодарю.

Мы еще некоторое время болтаем. В основном обсуждаем рецепты, каждой хочется немного развеяться.

Ближе к восьми домой возвращается глава семейства, а я нахожу повод, чтобы уйти в выделенную мне комнату. Плотно закрываю дверь и ложусь на диван.

Спасибо соседям за помощь, но у каждого гостеприимства есть пределы. Им нужно

побыть всем вместе, а я в этой семье совершенно чужой человек.

Смотрю на лежащий на тумбочке телефон. Руки так и тянутся взять его, набрать Мише.

Мне нужно убедиться, что я права. Ведь подобного совпадения быть просто не может! Майоров Михаил Александрович

вич — это не Иванов Иван Иванович. И уж тем более еще один хирург.

Поднимаюсь с дивана, прохожу по комнате, пытаюсь отвлечься. Даже включаю телевизор, но там идет какая-то муть.

С кухни доносятся веселые голоса домочадцев, беззаботные разговоры ни о чем, задорный смех. Одним словом, семья!

Я тоже хочу, чтобы у меня было так. Но пока все иначе...

Взгляд снова натывается на телефон. Делаю пару шагов вперед, нерешительно останавливаюсь.

Нет. Позвонить ему не решусь.

Словно почувствовав, смартфон начинает вибрировать. Надежда заполняет сердце, оно ухает вниз и резко подскакивает к горлу, начинает так быстро стучать, что едва не вырывается из груди. В ушах шумит.

Со всех ног несусь вперед, хватаю телефон, поворачиваю экраном вверх и выдыхаю. Моему разочарованию нет предела. Это не Михаил.

— Да, мам, — говорю обреченно.

— Дочь! Ты что творишь?! — с ходу накидывается на меня. — Почему ты заявила домой без предупреждения?! Хотела устроить скандал? Так, молодец! Ты его заката! — Она едва не кричит.

— Мама, ты в своем уме? — ахаю. — Савелий мне изменяет!

У матери какая-то нездоровая любовь к моему мужу. Я уже начинаю подозревать, что и брак наш случился неспроста. Понятия не имею, чем именно он угодил, но порой кажется, что она его любит больше, чем меня.

— Подумаешь, переспал с твоей Веркой! — фыркает. — Ты скажи, с кем в городе она не спала, — ухмыляется.

Мурашки по коже от происходящего. Становится настолько мерзко, аж тошнить начинается.

Нервы...

А ведь я только немного пришла в себя.

— Савелий — нормальный, здоровый мужчина! Он нашел способ, как удовлетворить себя, пока его жена этого сделать не в состоянии, — говорит так, словно произошедшее в порядке вещей.

— Ты вообще себя слышишь? — пытаюсь достучаться до ее здравого смысла. — Муж изменил мне с лучшей подругой, отдал чемодан с вещами и выставил вон! И у тебя еще поворачивается язык его оправдывать? — Я не верю своим ушам. Как подобное в принципе стало возможным?!

Нет. Моя мама — женщина экстравагантная и очень эмоциональная. Она немного эгоистична и всю жизнь, что я помню, такой была.

Но сейчас... Ее слова и поступки переходят все рамки приличий. В случае развода, который обязательно будет, чувствую, мы с матерью окажемся по разные стороны баррикад.

— Так ты от выроodka своего не отказалась! — фыркает с презрением.

Ах, вот оно как?!

Да ну вас всех нафиг! Пошли вон!

С бешено колотящимся сердцем и льющимися из глаз горькими слезами завершаю вызов и отправляю номер матери в бан. Пусть вместе с Савелием и Верой висят в черном списке! Ни видеть, ни слышать не желаю никого из них! Предатели! Сволочи! Эгоисты!

Пусть подавятся своими гадкими поступками и захлебнутся в собственном яде! Я уезжаю из этого дурацкого города! Завтра же оформляю все документы и уезжаю на первом же поезде!

Меня ждет дочь!

Но телефон не желает униматься. Он снова начинает звонить.

— Да! — рывкаю в трубку. Я настолько зла, что не могу совладать с эмоциями. Их столько, что вот-вот разорвет на части. — Ты решила, что раз я тебя добавила в черный список, так нужно со всех номеров теперь мне звонить?! — от гнева не ведаю, что и кому говорю.

— Эля? — В динамике раздается удивленный голос Михаила. Он действует на меня как ледяной душ.

Злость вмиг улетучивается, меня перестает трясти.

— Ой, — тут же успокаиваюсь. — Прости, Миш, — говорю не подумав.

— Миш? — ухмыляется. — Значит, наконец, поняла?

Глава 11. Эля

Выхожу на перрон, с трудом вытаскиваю из вагона свои чемодан и сумку. Озираюсь по сторонам и печально вздыхаю. До вокзала идти далеко, на улице накрапывает мелкий противный дождик, а у меня нет ни капюшона, ни шапки, ни зонта.

Придется мокнуть.

Делать нечего. Беру вещи и иду в сторону невысокого желтого здания, на чьих стенах гордо красуется название города.

До метро дохожу промокнувшей насквозь, спускаюсь в подземку, и мне становится зябко. Местные сквозняки пробирают насквозь.

Бр-р-р...

Кутаюсь в тонкую куртку, но она напрочь промокла, и никакого толка в ней нет.

Меня толкает случайный прохожий, другой спотыкается о мою сумку и покрывает меня трехэтажным матом. Подхватываю вещи и отхожу еще ближе к стене. Трясет всю.

Вот это, блин, гостеприимство...

Мимо проносятся куда-то спешащие люди, я пытаюсь разобраться в хитросплетении разноцветных линий метро.

С трудом, но все же добираюсь до столь необходимого мне центра. Предоставлю все документы, анализы, и меня пропускают внутрь.

Дожидаюсь медсестру, она помогает погрузить вещи на тележку, и мы идем по длинному коридору вдоль светло-зеленых стен.

С бешено колотящимся сердцем поднимаюсь на лифте на нужный этаж, следуя за провожающей меня женщиной вплоть до палаты.

— Вот ваша кровать, — показывает на стоящую напротив окна застеленную полутороспальную кровать. — Располагайтесь. Доктор, как освободится, подойдет.

— Спасибо, — благодарю. Она уходит, а я остаюсь в трехместной палате одна. Две другие койки не расстелены.

Не тратя ни секунды столь драгоценного времени, снимаю с себя уже практически высохшее белье, переодеваюсь в чистую, сухую одежду. Сверху накидываю флисовую кофточку, хоть в палате тепло, я все равно никак не могу согреться.

Сейчас бы забраться в горячий душ... потом выпить ароматного чая... Закутаться в плед, устроиться поудобнее и почитать.

Но это все мечты. В реальности меня ждет совершенно другое.

Раскладываю вещи, ем совершенно невкусные щи. Я бы с удовольствием поела что-то другое, но помимо них и тушеной капусты ничего не дают. Вот вам и больничная еда для кормящей мамы.

— Папа, я на месте, — отзваниваюсь единственному человеку, с кем хочу поговорить. Злате написала сообщение и

еще раз поблагодарила за помощь.

— Умница, дочка! — подбадривает отец. — Как добралась? Все в порядке?

— Да, все хорошо, — отвечаю, облокотившись на подоконник и глядя в окно. Перед взором открывается красивый вид на город. — Палата трехместная, но я пока здесь одна. Анечку еще не привезли. Жду.

Минута кажется вечностью.

— Скоро, значит, привезут. — Он ни на секунду не теряет оптимистичного настроения. — Поспи, потом вряд ли будет до этого.

— Ох, папа, — вздыхаю. — Если бы я только могла. Волнение зашкаливает, стоять на месте невыносимо.

Ну когда же привезут мою девочку? Когда?!

Ах, как же хочется скорее ее увидеть!

— Эля? — За моей спиной раздается знакомый голос, и сердце уходит в пятки. Миша.

Оборачиваюсь.

Мы не виделись с тех пор, как он мне изменил.

Майоров хотел поговорить, объясниться, но я даже слушать его не стала. У меня тогда не было ни сил, ни желания общаться с ним.

Удивительно, но мама мое решение поддержала.

На самом деле, это она обнаружила, что он мне изменяет. И незамедлительно рассказала, предоставив уж очень красноречивые фото.

Некоторые у меня до сих пор перед глазами стоят.

— Я перезвоню, — бросаю в трубку отцу и, не дожидаясь ответа, завершаю вызов.

— Здравствуй, — говорит Михаил. — Замужество, смотрю, тебе к лицу, — язвит.

— А тебе, как вижу, очень идет свобода, — пытаюсь уколоть его в ответ.

— Кто-то сказал, что я свободен? — вопросительно выгибает бровь, многозначительно глядя на меня.

И правда... С чего я это решила?

Теперь перед ним неудобно.

— Извини, если оказалась не права, — не моргая смотрю на Майорова. — Личной жизнью своих бывших не интересуюсь! — отрезаю.

— А надо бы, — говорит еле слышно. Чтобы разобрать его слова, приходится напярчь слух. — Много интересного открывается.

— Что? — переспрашиваю.

— Жизнь, говорю, интересная штука, — внимательно рассматривает меня.

— Не поспоришь, — вздыхаю. Весь мой запал испаряется, я ощущаю себя, как сдутый воздушный шар. — Миш, когда мне Анечку привезут? — спрашиваю, не пряча своей боли. Перед Майоровым нет никакого смысла ее скрывать.

— Не сегодня, — ошарашивает меня новостью. Смотрю на мужчину и ничего не вижу. В глазах застыли слезы.

Видимо, он без труда считывает мою реакцию, потому что тут же продолжает объяснять. Моя девочка пока еще находится в медикаментозном сне, на аппарате. Ей постепенно снижают дозировку лекарств и готовят к пробуждению.

— Если все пойдет по плану, то завтра утром переведем в палату, — обнадеживает меня. — Я как раз завтра дежурю, так что смогу проконтролировать от и до.

— Спасибо. — Моей благодарности нет границ.

Стоим друг напротив друга. Не двигаемся с места. Мое сердце колотится так быстро, словно собирается выпрыгнуть из груди.

За время, что мы не виделись, внешне Миша практически не изменился. Остался таким же мужественным и добрым, только взгляд стал более глубоким, да сам мужчина сильно повзрослел.

— Если хочешь, то через час смогу тебя отвести к дочке, — предлагает, о чем-то раздумывая. — Пойдешь?

— Конечно, пойду!

Глава 12. Миша

Поднимаемся с Элей на пятый этаж, по своему пропуску провожу ее в реанимацию. Перед входом в отделение заставляю надеть халат, бахилы, маску и шапочку.

К маленьким пациентам иначе нельзя, здесь лежат детки после сложнейших операций, и любая, даже самая незначительная инфекция для них может нести колоссальные негативные последствия.

Стерильность вокруг.

В реанимации воздух не то что пахнет иначе. Он в принципе здесь другой.

— Миша, это с тобой? — уточняет реанимационная медсестра, кивая на мою спутницу. Она как раз прячет волосы под шапочкой в этот момент.

— Здравствуйте, — говорит Эля, бросает на меня полный волнения взгляд.

Знаю, ей очень хочется поскорее увидеться с дочерью. Делаю для этого все, что могу.

— Добрый вечер, — скептически осматривая гостью, произносит девушка в белом халате. — Волосы спрячьте, — говорит строго. — Они у вас из-под шапки торчат. Этого быть не должно.

— Извините, — поспешно убирает выбившуюся прядь. — Спасибо.

— Да, со мной, — подтверждаю. — Это мать Смирновой. — При имени новорожденной взгляд медсестры немного смягчается. Она прекрасно понимает, как важно матери увидеть свое маленькое дитя.

Такие детки, как дочка Эли, к сожалению, явление нередкое. Пара-тройка в месяц стабильно появляется у нас.

— Вам в пятый бокс, — показывает рукой направление.

— Я знаю, — на автомате отвечаю ей. Только пару часов назад проверял малышку. Все было в порядке. — Пойдем, — приглашаю Элю следовать за собой.

— Угу, — немного нервно кивает.

Ей дискомфортно находиться в больничных стенах, и я ее прекрасно понимаю. Эля всегда была далека от больниц.

Идем по коридору мимо стеклянных дверей, за каждой из которых находится маленький ребенок. Здесь лежат детки всех возрастов, кому несколько дней от роду, как дочке Эли, кому несколько месяцев или даже лет.

Как правило, малышей после операции держат сутки-двое, не больше. Мы стараемся всегда как можно быстрее отдавать детей матерям, ведь те своей любовью и заботой порой делают невозможное. Когда мама рядом, малыш восстанавливается в разы быстрее.

В некоторых случаях маленьким пациентам приходится здесь задержаться. Как например, после операции на пищевode. Или после выведения стомы у малышей с атрезией ануса и прямой кишки, они несколько дней проводят на ИВЛ,

и только потом мы постепенно их с аппарата снимаем. Как правило, матери успевают выписаться из роддома и сразу же едут к деткам.

С атрезией пищевода все немного сложнее. Чтобы начинать кормить ребенка, нужно, чтобы зажил пищевод. И поэтому таких малышей мы держим в медикаментозном сне дольше.

Дочка Эли пролежала в реанимации порядка двух недель. К сожалению, это не предел для таких деток. Эле с дочерью повезло.

На самом деле, малышка у нее огромная молодец! Такая же красивая и упрямая, как ее мама.

— Проходи, — открываю перед Элей стеклянную дверь и пропускаю в бокс.

На негнущихся ногах она проходит внутрь. Мне даже не нужно присматриваться, чтобы понять, как сильно девушка переживает.

В груди вспыхивают давно позабытые чувства, но я их тут же глушу. Если позволю им хоть ненадолго выбраться из-под колпака, то очень сильно потом об этом пожалею.

Я любил Элю. Очень сильно любил.

А она меня предала. Ушла к другому.

— Маленькая моя, — произносит на выдохе, припадая к кювету. Бросает на меня полный боли и отчаяния взгляд. И тут же оседает на пол.

— Тише, тише, — успеваю подхватить ее до того, как она,

потеряв равновесие, рухнет на кафельный пол.

Держу в руках хрупкую, нежную девушку и только сейчас понимаю, как же сильно по ней скучал.

Мне не хватает ее ласк, ее улыбок. Звонкого смеха по утрам и ароматного кофе в постель после бессонных суток, которые я провел на дежурстве.

Воспоминания яркими вспышками мелькают в голове, напоминая о прекрасном времени, что мы провели вместе.

— Держу, — говорю и смотрю ей в глаза. Тут же понимаю, что зря это сделал. Сердце начинает сбоить.

Несмотря на все то, через что мне пришлось пройти по ее вине, глупое сердце продолжает хранить и лелеять любовь к Эле.

— Спасибо, — шепчет, отстраняясь.

Отпускать не хочу, но вынужден.

Майоров! Она не твоя! Не трогай чужую женщину!

Раз за разом напоминаю себе прописные истины. Рядом с ней постоянно про них забываю.

— Все нормально? — продолжаю поддерживать девушку.

— Да, — кивает. Смущается. Тут же отворачивается от меня и смотрит на дочь. — Почему она вся утыкана трубками? — спрашивает с тревогой. Ухмыляюсь.

— Эль, это нормально, — успокаиваю ее.

— Точно? — продолжает волноваться.

— Да, — киваю, подтверждая свои слова. — Она в медикаментозном сне, дышит за нее аппарат, и это нормально, —

спешу заверить. — Завтра постепенно мы все это планируем убирать.

— Точно? — смотрит на меня с надеждой в глазах, а у меня от ее взгляда внутри аж все переворачивается.

Конечно, я много раз видел, как женщины впервые видят своих детей, но ни одна из них не вызывала того спектра эмоций, как Эля. Сейчас я каждую из них проживаю вместе с ней.

— Точно, — с трудом сдерживаюсь, чтобы не подойти и не обнять ее. Аж руки зудят.

Но нельзя!

Эля сделала свой выбор. Она вышла замуж за другого, от него родила.

Я прекрасно понимаю, что она сейчас стоит передо мной и это банальная случайность. Стечение обстоятельств, не более того. Но не могу перестать любоваться ею.

Расстроенная, измученная от волнения и тревоги за свою малышку, Эля по-прежнему остается самой красивой девушкой из всех, что только встречались мне на пути. Лишь рядом с ней мое сердце начинает биться чаще.

Только вот она сделала свой выбор. И выбрала не меня.

— Можно ее потрогать? — спрашивает с содроганием в голосе. Надежда во взгляде добивает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.